
УДК 801.73:[81:1]

ББК 87.224.2

П 18

Е.В. Пархоменко,

старший преподаватель кафедры философии Кубанского государственного технологического университета, тел. 8-903-447-83-59.

Арго как разновидность текста

(Рецензирована)

Явление есть видение невидимого

Анаксагор

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу существования и осмысления арго как текста в рамках языка. Целью статьи является систематический анализ текста как объекта исследования, выявление пластов, формирующих современное языковое поле и соответственно усложняющих его, следствием чего является возникновение процесса многообразных текстовых форм. Наиболее важным методом исследования феномена является герменевтический анализ ее как текста.

Ключевые слова: «истинностные притязания», феня, мотив, «рациональная акцептабельность», «речевой акт», смысловая структура, вариативность, смысловой горизонт, герменевтика, корреляция, арго.

E.V. Parkhomenko,

Senior Lecturer of Philosophy Department of the Kuban State University of Technology, ph. 8-903-447-83-59.

Argot as a text version

The phenomenon is vision of the invisible

Anaxagoras

Abstract. This paper discusses a question of existence and examination of slang as a text within the limits of the language. The purpose of the paper is a regular analysis of the text as an object of research: revealing the layers forming a modern language field and accordingly complicating it, a consequence of which is the origin of diverse text forms. The most important method of jargon study is its hermeneutic analysis as a text.

Keywords: “truthconditional claims”, jargon, motive, “rational acceptability”, “the speech act”, semantic structure, variability, semantic horizon, a hermeneutics, correlation, argot.

В процессе социализации нас повсюду окружают тексты. Порой весьма доступные и понятные, иногда смутные и загадочные. Они предстают перед нами в виде записанной речи, цифр, устных диалогов, символов. И при контакте с текстом нашей основной целью является нахождение смысла (передача или восприятие). Текст представляет собой внутренне организованную последовательность отрезков письменного произведения или записанной либо звучащей речи, относительно закончен-

ную по своему содержанию и строению [1, С.7801]. Текст имеет следующие особенности:

1. Все элементы текста взаимосвязаны.

2. Связь между элементами текста носит трансуровневый характер и проявляется в виде повторяющихся и варьирующихся единиц — мотивов. Это тезис мотивного анализа. Если мы изучаем культуру как текст, то на разных ее уровнях могут проявляться одинаковые мотивы, выдерживается определенный ритм).

3. В тексте нет ничего случайного. Наличие свободных ассоциаций расширяет горизонты смысла.

4. За каждым поверхностным и единичным проявлением текста лежат глубинные и универсальные закономерности, носящие отчасти мифологический характер.

5. Текст не описывает реальность, а вступает с ней в сложные взаимоотношения. 6. То, что истинно в одном тексте (возможном мире), может быть ложным в другом (это тезис семантики возможных миров).

7. Текст — не застывшая сущность, а диалог между автором, читателем и культурным контекстом. Это тезис поэтики Бахтина [2].

Разделение не только языка и речи, но и разделение смыслов сделали язык порой недоступным для его носителей. Конечно, нас вводит в заблуждение внешнее подобие слов, когда мы сталкиваемся с ними в произнесенном, письменном или печатном виде, ибо их применение не явлено нам столь ясно [3]. Можно рассматривать текст как материнскую клетку, которая, делаясь, воспроизводит себе подобных, а они уже, попадая в ту или иную среду, окрашиваются дополнительными характерными признаками. Именно это и позволяет нам говорить о том, что уголовный жаргон — это такая же полноправная составляющая текстового поля языка.

В настоящее время у нас появился новый стиль устной речи, представляющий собой объединение нормированных слов с социальными диалектами, львиную долю которых занимает арго.

АРГО — условные выражения и слова, применяемые какой-либо обособленной социальной или профессиональной группой, ее условный язык. [1] Арготизмы используются в тексте в различных художественных целях:

1. При социальной характеристике героев: «Ему бабки для дела, он после отчитается, во что пошло, а ты хевру поганишь, жиган!» По этому отрывку речи, зная, что такое бабки (деньги), хевра (воровская шайка), жиган (здесь: бандит, непрофессиональный

преступник), можно догадаться о принадлежности персонажа к преступному миру [4].

2. Арготизмы могут быть приметой определённой эпохи, определённого времени, например, следующие лексемы: полит «политический заключённый» («Но с тех пор, как все мы — каэры, а социалисты не удержались на политах, с тех пор только смех заключённых и недоумение надзирателей мог ты вызвать протестом, чтоб тебя, политического, не смешивали с уголовными»); политик — «политический заключённый»; литёрник «политический заключённый». Эти слова употреблялись деклассированными элементами в 30-х-начале 50-х годов прошлого столетия, когда в местах лишения свободы было много репрессированных политических заключённых.

3. Для экономии языковых средств, особенно в тех случаях, когда для арготизма нет эквивалента в общенародном русском языке (гастроль — «поездка в другую местность для совершения преступления», медвежатник-«вор, специализирующийся по кражам из сейфов»).

4. В стихах-песнях о преступниках нередко смешивается комическое и серьёзное, насмешка и сочувствие. И это — одно из доказательств, что нельзя причислять произведения данной тематики к так называемым блатным песням, где наблюдается однотонность. С помощью языковых средств в песне удивительно точно показана психология преступника, тоска по свободе, отчётливо выражено его отношение к правоохранительным органам.

Часто феня воспринимается как больная точка на теле языка, но если воспринимать арго как часть целого, увидеть невидимое ранее..., то это огромный текст. Но любой текст только тогда является текстом, когда он может быть прочитан. Последнее, как писал М.М.Бахтин, «вытекает из природы слова, которое всегда хочет быть услышанным, всегда ищет ответного понимания и не останавливается на ближайшем понимании, а пробивается все дальше и дальше (неограничен-

но). Для слова (а следовательно, для человека) нет ничего страшнее безотчетности» [5]. Знак, текст, культура, семиотическая система, семиосфера, с одной стороны, и вещь, реальность, естественная система, природа, материя, с другой, — это одни и те же объекты, рассматриваемые с противоположных точек зрения. Текст — это воплощенный в предметах физической реальности сигнал, передающий информацию от одного сознания к другому и поэтому не существующий вне воспринимающего его сознания. Реальность же мыслится нашим сознанием как принципиально непричастная ему, способная существовать независимо от нашего знания о ней. Но почему же эта очевидность не кажется такой уж несомненной? Итак, получается, что каждый из нас вправе строить свой мир, в котором существуют свои правила, по которым будет жить постоялец этого мира. Но как же он будет согласовывать свою деятельность с другими людьми-мирами? Вероятно, в данном случае будут устанавливаться такие же отношения, как и между различными дискурсами, где на первый план как раз и выступает герменевтика. Это должен быть разговор, в ходе которого не теряется надежда на соглашение, но к этому соглашению люди могут прийти не потому, что у них есть общие критерии для решения вопросов, а потому, что все они люди. Слово обладает и разными значениями, которые меняются в зависимости от дискурсов, в которых мы его рассматриваем. Поэтому не может быть раз и навсегда установленного значения слова, не может быть одного решения проблемы. Именно поэтому герменевтическая рефлексия есть разговор, свободная дискуссия, и совсем не обязательно, что в ходе этой дискуссии люди придут к определенным выводам, что мы бы могли предположить в случае опоры на эпистемологию. Никакая экзистенция, никакое субъективное самосознание никогда не может существовать иначе, чем в тексте и через текст. Никакое сознание не может что-то знать, не используя сформулированные в языке знания других

людей, обособленных групп. Проблемы метода вторичны по отношению к «онтологическому» (философскому, антропологическому) вопросу о том, чем является человек в качестве понимающего создания. Конечно, нельзя отрицать наличия многих видов психологических и исторических фактов, которые формируют основу текста. Гадамер подчеркивает, что текст все же еще непосредственно или косвенно говорит, утверждает или высказывает нечто и что мы должны серьезно рассматривать эти имманентные тексту утверждения, если хотим понять текст как текст. Понимание текста, следовательно, является вопросом понимания того, что он утверждает [7]. Итак, понимание смысла текста соединено с пониманием истинностных притязаний. Не исключено, конечно, что сообщаемое текстом является шуткой. Погружение в текст является, следовательно, вопросом погружения не в интеллектуальную жизнь другого человека, а в смысл текста. При этом смысл текста находится в «истинностных притязаниях», которые выдвигает текст. Чтобы понять текст, мы должны активно пытаться оценить, является ли обоснованным его притязание на истину. Это не означает, конечно, что мы должны соглашаться с тем, что говорит текст, но полный нейтралитет в этом плане невозможен. Когда речь заходит о гадамеровском тезисе встроенных в текст «истинностных притязаний», мы можем указать на хабермасовский тезис о том, что все «речевые акты» выдвигают «претензию на общезначимость».

В рассматриваемой ситуации важны два следующих лингвистико-филологических момента:

1. Язык является определяющим не только для текстов, но и для человеческого понимания вообще и тем самым для «жизненного мира», в котором мы живем как люди. Здесь язык понимается не в «объективистском смысле», как звуки или буквы. Не понимается он и в качестве особого «национального языка». Он понимается как унаследованный смысловой горизонт, в рамках которого происходила наша социали-

зация, и через который мы понимаем себя и мир. Язык в данном смысле — это то, что объединяет нас как людей и опосредствует отношения между нами и миром.

2. Эта точка зрения на язык влечет за собой критику классического дуализма субъекта и объекта, который мы находим в докантовских рационалистической и эмпирицистской эпистемологиях; с гегелевской точки зрения на отношения субъекта и объекта, а также с воззрениями на язык, принадлежащими феноменологам и Витгенштейну,

3. Здесь мы имеем «трансцендентально-философскую» точку зрения на язык, согласно которой «смысловые структуры» функционируют как трансцендентальная основа языка.

Но даже в этом случае текст обращается к нам, ко мне. Чтобы понять смысл текста, я должен относиться к тексту серьезно. Как интерпретатор, я должен пытаться понять вопросы, на которые отвечает текст. Текст написан в границах его собственного смыслового горизонта, я же имею свой горизонт. Текст написан на основе его собственных «предрассудков», с позиций которых он говорит. У меня есть собственные «предрассудки», с позиций которых я говорю и интерпретирую. Степень, в которой мне удастся понять «чужой» текст, таким образом, зависит от того, насколько могут приблизиться друг к другу и слиться два смысловых горизонта. Это — то, что Гадамер называет «слиянием горизонтов». Но их слияние не означает, что они просто стали одним и тем же горизонтом. «Один» горизонт отличается от «другого». Но произошло преобразование моего смыслового горизонта. В этом ракурсе я подвергся глубокому переформированию, «глубокому» потому, что не просто овладел новым знанием из уже имевшегося источника, а трансформировал мою собственную «систему отсчета». Это переформирование является процессом обучения в том смысле, что с его помощью я расширил мой горизонт и стал понимать больше и иначе, чем понимал раньше [1]. Согласно

Гадамеру, сказанное одновременно указывает на близкую связь герменевтики и образования. Формативный процесс, направленный на «слияние горизонтов», происходит в нас. Мы всегда находимся в этом процессе, никогда не стоим вне его и не рассматриваем его со стороны. В результате мы можем улучшать наше понимание и тем самым обучаться — взрослеть и становиться мудрыми, — но не можем претендовать на обладание вневременной и внеисторической «конечной» истиной.

Итак, мы пришли к сути философии текста Гадамера. Он ведет нас к улучшенному постижению человека как «исторически понимающего» существа. Прежде всего, он не пытается давать советы относительно метода гуманитарных наук, а пробует выяснить условия, которые делают возможным человеческое понимание.

Для Рорти также характерно, что в качестве бывшего сторонника аналитической философии он поддерживает не только исходные позиции, но и методы работы деконструктивистов. Он пытается продолжить «разговор» с великими мыслителями, но при этом всегда деконструирует их философские утверждения и идеи (например, понятие истины). Следовательно, философские тексты, согласно Рорти, не отличаются от литературных текстов. Их интересно и поучительно читать, они раскрывают нам позиции и видения, но не являются тем, что претендует на истинность или общезначимость. Согласно Рорти, все контекстуально и случайно (contingent). «Деконструктивистский» подход Рорти характерен тем, что он являлся сторонником аналитической философии и знает ее «изнутри», что позволяет ему использовать весьма точные доводы. Он не довольствуется демонстрацией принадлежности идеи и аргументов специфическим контекстам. Рорти также пробует показать, как мы можем обойтись без философских дистинкций, подобных истине и лжи.

Для герменевтической традиции (например, Гадамер) и для критической деконструкции (например, Деррида,

Фуко, Рорти) общим является то, что они начинают с языка как текста. Поэтому эти направления тесно связаны со сравнительным литературоведением, историческими исследованиями, теологией и юриспруденцией. Кроме того, дискурсы всегда остаются включенными в систему практик жизненного мира, поскольку их функция заключается, по мнению Хабермаса, в том, чтобы восстановить частично разрушенное фоновое взаимопонимание. После восстановления равновесия участвующие в аргументации утрачивают рефлексивное отношение к миру и возвращаются к «наивному» обращению с ним на новом уровне. Связанность дискурса с жизненным миром также дает основания для интерпретации термина «истина» как «претензии высказывания на истинность». Все вышесказанное приводит к тому, что не понятие истины, а обобщающее понятие «значимости» в смысле «рациональной акцептабельности», приобретающее эпистемологическое значение, играет основную роль в прагматической теории истины.

Хабермас более тесно привязан к социальным наукам и начинает с языка как «речевого акта». Для него понятие действия (акта) имеет приоритет перед понятием текста. Схема осуществляемого в рамках жизненного мира перехода от коммуникативного действия к дискурсу описывается в координатах «нормативно приписываемое соглашение» (в отношении чего-либо) и «коммуникативно достигаемое соглашение». При этом Хабермас исходит из того, что любое понимание всегда одновременно оказывается непониманием, согласие во мнениях и взглядах — одновременно расхождением. Только благодаря тому, что слушающий может занять Да/Нет — позицию по отношению к имманентным «речевым актам», значимым претензиям, может установиться взаимопонимание. Жизненный мир, для репродукции которого конститутивным оказывается связанные с языком традиции, представляет собой в этой конструкции консервативный противовес риску расхождения во мнениях, которое сопровождает любой про-

цесс взаимопонимания. Соотношение между этими двумя полюсами изменяется в зависимости от того, насколько центрированной или децентрированной была исходная картина мира. Например, тюремная лексика представляет собой центрированную форму жизни, для которой характерно, что открывающийся в нем языковой образ мира полагается в качестве его «истинного» порядка для его носителей. Неразличение между арго и языком, арго и действительностью, между средствами коммуникации и ее предметом исключает возможность рефлексивной формы коммуникации. Дискурсивное мышление является, согласно Хабермасу, продуктом социокультурной эволюции субъекта, важной составляющей которой является «эволюционное обучение». Современный жизненный мир, подразделяющийся на сферы культуры, общества и личности, с которыми коррелируют с трудом совмещаемые друг с другом разнообразные формы дискурса, представляет собой оппозицию друг другу [9]. Для него в целом характерна расбалансированность и соответствующая ей нестабильность, связанная в том числе и с тем, что по мере расширения собственного горизонта миропонимания релятивируются и ценностные ориентации, вследствие чего возникает ситуация, когда под сомнение можно поставить любую очевидность.

Одновременно люди зависят и от своих совместных действий, и от коммуникативного взаимодействия. Взаимодействие, внутренне связанное с языком, и понимание, его обеспечивающее, развивают далее так называемые герменевтические науки — от социальной антропологии до истории. В этом состоит практический когнитивный интерес, заключающийся в углублении взаимного intersubjectивного понимания у людей [6].

На формирование языка оказывают влияние внешние и внутренние факторы окружающей среды; можно ожидать, что в тюремной лексике должны быть отражены социальные и физические, — если допустить, что язык под-

вергается воздействию факторов, связанных с условиями существования его носителей (закрытое пространство, особое восприятие времени и т.д.). Точнее говоря, физическая среда отражается в языке, конечно, только через среду социальную. Например, простого факта существования какого-либо явления и вещи в физическом окружении той или иной социальной группы недостаточно для возникновения обозначающего его языкового символа. Для этого нужно, чтобы члены данной общности хорошо знали эту вещь и чтобы они испытывали к нему хоть некоторый интерес (перо, бацилла, корова). Иначе говоря, в том, что касается языка, любое воздействие окружающей среды в конечном счете сводится к влиянию среды социальной. И все же представляется полезным разграничивать такие социальные факторы, которые более или менее явно восходят к факторам физической среды, и такие, которые очевидным образом с воздействием физической среды не связаны. Подвергаться воздействию в языке может либо его значимая сторона — содержание (т.е. словарь), либо фонетическая система (т.е. система звуков, использующихся для построения слов), либо, наконец, его грамматическая форма (т.е. формальные процессы и логические или психологические классификации, используемые в речи).

Разрушительное воздействие фонетических изменений в конце концов превращает описательные по своей природе названия в чистые ярлыки, простые нечленимые слова. Мы останавливаемся здесь на этой проблеме, ибо по тому, имеют ли лексические единицы прозрачный или непрозрачный характер, можно, с известными оговорками, судить о времени появления соответствующих понятий в языке.

Тщательное изучение словаря позволяет сделать некоторые выводы о физической и социальной среде обитания тех, кто этот словарь использует; более того, исследуя степень прозрачности самих слов, можно понять, насколько существенными являются те или иные элементы среды для носителей данного языка.

Если в словаре находят свое отражение основные элементы физической среды, то в еще большей степени это относится к элементам среды социальной. Культура же может развиваться в любом направлении и достигать любой степени сложности. То, что словарь в значительной степени должен отражать уровень развития культуры, становится, таким образом, практически само собой разумеющимся, так как словарь, содержательная сторона языка, всегда выступает в виде набора символов, отражающих культурный фон данного общества. Если под сложностью языка понимается тот круг разных интересов, который отражается в словаре, то становится очевидным и факт наличия постоянной корреляции между степенью сложности языка и культуры.

Если же под сложностью языка понимать в соответствии с традицией уровень развития его морфологической или синтаксической системы, то подобной связи, конечно же, не существует. В действительности можно даже привести свидетельства в пользу существования противоположной корреляции и утверждать, что имеется тенденция к упрощению морфологической системы языка в результате усложнения культуры.

Существует ли еще какой-нибудь элемент структуры языка, кроме его содержательной стороны — словаря, в котором можно было бы обнаружить связь с физической или социальной средой существования носителей этого языка?

Напротив, морфологическая система языка, по-видимому, тесно связана с набором понятий, который представляет собой ментальную основу жизнедеятельности определенной группы людей, поскольку именно в морфологии отражается тот специфический тип мышления, который характеризует носителей данного языка. А поскольку этот набор понятий, в свою очередь, предопределяется условиями физической и социальной среды, то разумно было бы постараться проследить соотношение между явлениями среды и грамматической структурой языка. В то же время отрицательные свидетель-

ства в этом случае имеют ту же силу, что и в предыдущем рассуждении.

На основе тех или иных тенденций в этой групповой психологии и подвергались медленным изменениям язык и культура. А раз и язык, и культура непосредственно предопределяются прежде всего фундаментальными факторами племенного сознания и физической среды, то развитие их происходило в известной степени параллельно, то есть явления культурной деятельности получали свое отражение в грамматической системе языка. Иными словами, дело не только в том, что слова служили символами для отдельных элементов культуры, что верно в отношении языка на любой из стадий развития общества, но и в том, что, как мы можем предположить, грамматические категории и процессы сами по себе тоже отражали соответствующие (значимые с точки зрения культуры) типы мысли и деятельности. Таким образом, до некоторой степени верным является представление о том, что на протяжении значительного временного отрезка текста культура находилась в состоянии прямой взаимосвязи и взаи-

модействия. Но такое состояние не может продолжаться до бесконечности. Здесь мы наконец подходим к самой сути занимающей нас проблемы. Элементы арготизмов в силу того, что они служат более непосредственным нуждам общества и легче осознаются людьми, не только изменяются быстрее, чем элементы языковой системы, но и сама форма организации культуры, определяющая относительную значимость того или иного ее элемента, постоянно видоизменяется [8].

Смысл языковой палитры, с чем мы имеем дело, скорее, в самом ее существовании. Язык творит нечто идеальное вместо того, чтобы создавать то, что соответствует в нашем представлении правилам. Задачей исследователей является «взгляд» на язык как на единый текст, где каждое слово стремится достичь высшей цели, смысла, быть понятым и услышанным путем непрерывной интерпретации всех значений, диалога, разговора, которые рождаются в мире культуры, и тем самым возвыситься к некоему универсуму, который объединяет язык, круги, инородные элементы, и увидеть невидимое...

Примечания:

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 25.
2. Руднев В.П. Прочь от реальности: исследования по философии текста. М., 2000. С. 246.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.
4. Каверин В.А. Проза. М., 2001.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 36.
6. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997.
7. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
8. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
9. Соболева М. К концепции философии языка Юргена Хабермаса // Логос. 2002. №2.

References:

1. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. M., 1995. P. 25.
2. Rudnev V.P. Away from the reality: research of text philosophy. M., 2000. P. 246.
3. Wittgenstein L. Logical-philosophical treatise. M., 1958.
4. Kaverin V.A. Prose. M., 2001.
5. Bakhtin M.M. The aesthetics of verbal creativity. M., 1979. P. 36.
6. Rorty R. Philosophy and the mirror of nature. Novosibirsk, 1997.
7. Gadamer H.-G. The Relevance of the beautiful and other essays. M., 1991.
8. Sapir E. The selected works on linguistics and culturology. M., 1993.
9. Soboleva M.K. On the conception of philosophy of Jurgen Habermas's language // Logos. 2002. №2.